

Тёмные аллеи

№ 1 2024

Скульптурная композиция «Кот учёный» в Геленджике

Сергей Иванов

Златая цепь на дубе том

С детских лет нам кажется, будто поэзия А.С. Пушкина изучена вдоль и поперёк. Но стоит обратиться к его первой опубликованной поэме «Руслан и Людмила» и прочесть её свежим взглядом, как сразу возникает множество вопросов.

РУСАЛКИ И НАВКИ

Вопросы начинаются сразу со вступления к поэме. Что такое это «лукоморье», у которого растёт зелёный дуб? Зачем на дубе златая цепь? Почему кот учёный ходит по цепи, а не лазает по стволу и сучьям, как полагается котам? Почему русалка, которой следует плавать в море, сидит на ветвях?

Впрочем, ответ на последний вопрос уже давно дан наукой фольклористикой. «Ру-

салки» в русском фольклоре – это вовсе не женщины с рыбьим хвостом, а птицы с женской головой. Птица Сири́н, вещая птица Гамаюн – всё это русалки. Они прочно вошли в число традиционных русских символов и встречаются даже среди церковных изображений. Вопрос о том, почему они называются «русалками», не решён окончательно. Может быть, дело в цвете их волос, а может быть, они были чем-то вроде то-

Т.А. Маврина. Иллюстрация к поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила»

И.Я. Билибин. Руслан и голова. Илл. к поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила»

темов русского народа. А привычные нам полуженщины-полурыбы – плод поздней городской «массовой культуры» и происходят, видимо, от древнегреческих сирен, описанных в античной литературе.

Однако не всё так просто. Русалка встречается в поэме Пушкина ещё раз. Когда несдержанный соперник Руслана витязь Рогдай, вступив с Русланом в поединок, был сражён у днепровских берегов, то мёртвого Рогдая утащила на дно Днепра «русалка молодая». Такие речные русалки тоже известны в славянском фольклоре. Они называются

«навки» и выглядят как обычные девушки, без всяких хвостов (только если взглянуть на них сзади, увидишь внутренности). Эти русалки-навки сидят на берегу, подкарауливая добрых молодцев, а могут сидеть и на опущенных к воде ветвях дерева. И в самом деле, иной раз трудно понять в сумерках – это ветви так причудливо перепутались у растущей на берегу ивы или женские волосы.

Может быть, в «Руслане и Людмиле» упомянуты русалки и того, и другого «типа». Одна плавает в Днепре, другая в виде птицы сидит на дубе.

КОТА ЗОВУТ БАЮН

Но откуда взялся сам дуб и особенно цепь с котом? По одной из версий, во дворе московского дома, где провёл свои первые годы поэт, хозяевами была устроена механическая игрушка – заводной кот, идущий по металлической цепи. Оттуда будто бы и происходят образы, открывающие «Руслана и Людмилу».

Возможно, так и было. В XVIII веке богатые и образованные люди часто заказывали себе сложные механические игрушки. Но эта версия не даёт окончательной разгадки. Даже если и существовал такой механизм, что он изображал? Откуда в воображении механика взялась эта сцена – кот, идущий по цепи? Из какой сказки? Поэма «Руслан и Людмила» ещё не была написана.

По другой версии, Пушкин услышал о лукоморье от своей няни Арины Родионовны. Вступление появилось во втором издании поэмы, уже после того, как Александр Сергеевич повстречался с няней в Михайловском. Сохранилась собственноручная запись рассказа Арины Родионовны, сделанная поэтом: «У моря лукомория стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идёт – сказки рассказывает, вниз идёт – песни поёт».

Из этого короткого «сообщения» няни поэта и вырос, видимо, пролог «Руслана и Людмилы». По другим сказкам мы знаем, что кота этого зовут Баюн, от русского слова «баить», то есть «рассказывать». От этого же слова происходит, скорее всего, имя вещего певца Бояна из знаменитого эпоса «Слово о полку Игореве». Как мы узнаём из «Слова...», этот певец мог превращаться в сокола в небе и в волка на земле. А может быть, превращался иногда и в кота?

Но, в общем, эти сведения мало что объясняют. Остаётся непонятным: как связаны дуб и золотые цепи? Зачем нужны цепи, если кот и без них может передвигаться по веткам?

УПСАЛЬСКОЕ СВЯТИЛИЩЕ

Наверное, загадка пролога так и оставалась бы загадкой, если бы давным-давно, в конце XI века, средневековый германский хронист Адам Бременский не составил описание языческого святилища Упсалы в Швеции и обрядов, которые совершались там викингами-язычниками.

Судя по всему, сам Адам Бременский не бывал в Упсале, а только записал рассказ шведского или немецкого христианина, видевшего всё своими глазами. Поэтому в хронике Адама Бременского тоже остаётся много неясного. Но кое-что, имеющее прямое отношение к «Руслану и Людмиле», мы отсюда почерпнуть можем.

Адам Бременский писал о шведах: «У этого народа есть очень прославленный храм, который называется Упсала. Он расположен недалеко от города Сигтуна. В этом храме, который весь разукрашен золотом, народ поклоняется статуям трёх богов... около этого храма есть огромное дерево, широко простирающее свои ветви. Оно вечнозелёное, зимой и летом... Золотая цепь окружает храм, висит на крыше здания, так что идущие к храму издали видят её блеск. Само же капище стоит на ровном месте, окружённое холмами наподобие театра. У каждого из богов есть свои жрецы, которые приносят жертвы... Что же касается песней, которые принято петь во время такого рода жертвоприношений, то они так многообразны и непристойны, что лучше о них умолчать».

П.Ф. Соколов. Портрет А.С. Пушкина. 1836

Как видите, здесь есть почти все элементы загадочного пушкинского пролога: и золотая цепь, и дерево, и песни. Кстати сказать, в своё время многие ранние произведения Пушкина считались не очень-то приличными, и про «Руслана и Людмилу» знаменитый тогдашний поэт И.И. Дмитриев написал так: «Мать дочери велит на эту сказку плюнуть» (эту критическую цитату приводит сам Пушкин в примечаниях ко второму изданию своей поэмы).

Правда, разные детали в упсальском святилище соединены иначе, чем в прологе к

«Руслану и Людмиле». Златая цепь размещена не на дереве, а на крыше храма (скорее всего – деревянного). Хотя что мешало шведам украсить заодно и священное дерево цепями или гирляндами? Мы до сих пор украшаем так рождественские ели. Адам Бременский мог просто не упомянуть об этом общеизвестном факте. Род дерева при святилище был неизвестен Адаму Бременскому, однако оно вечнозелёное, то есть это не дуб, а скорее ель или сосна.

На таком дереве могли бы размещаться и разные фигуры вроде русалок-птиц, как мы вешаем на ёлку игрушки. Традиция эта пришла в Россию из Прибалтики, а туда – из Германии или Швеции. Она имеет очень древнее происхождение. Исследователи доказывают, что и

Германия не была первой родиной рождественской ели, что появилась эта традиция ещё у древних хеттов в Малой Азии.

В современных стеклянных и пластиковых гирляндах нетрудно узнать древнюю «золотую цепь». Только вместо золота нынче в гирляндах блестят электрические лампочки. Но смысл остаётся тот же. Цепь, состоящая из множества звеньев, символизирует связь Неба и Земли, духовного и телесного. Цепь или гирлянда на рождественской ели – это дорога, по которой можно в своём воображении двигаться

между различными мирами. Эти миры на праздничной ёлке обозначаются разнообразными фигурками и шарами.

Итак, нам стало известно, что в далёком прошлом в Прибалтике существовало святилище, важными частями которого было не только большое дерево (таких деревьев-святилищ, в основном дубов, было много по всему свету), но и золотая цепь. Жрецы скандинавских богов, как и другие языческие жрецы, были одновременно и сказителями, и поэтами-бардами. Говоря по-русски, все они были Боянами-Баюнами. Ну а отсюда уже недалеко до кота Баюна, или просто кота в пушкинском прологе.

Конечно, трудно представить, что какой бы то ни было жрец будет ходить по золотой цепи, даже если это было зачем-то нужно. Золото – слишком мягкий металл, такая цепь порвётся под тяжестью человека. Но свои священные гимны и эпические песни жрецы могли распевать, находясь на крыше храма, вдоль которой и была протянута цепь. Возможно, имело значение и то, куда направлялся жрец-сказитель. Ведь правая сторона у всех народов считалась доброй, а левая – недоброй. Идти вверх значило приближаться к небу, спускаться вниз – значит приближаться к миру подземных духов.

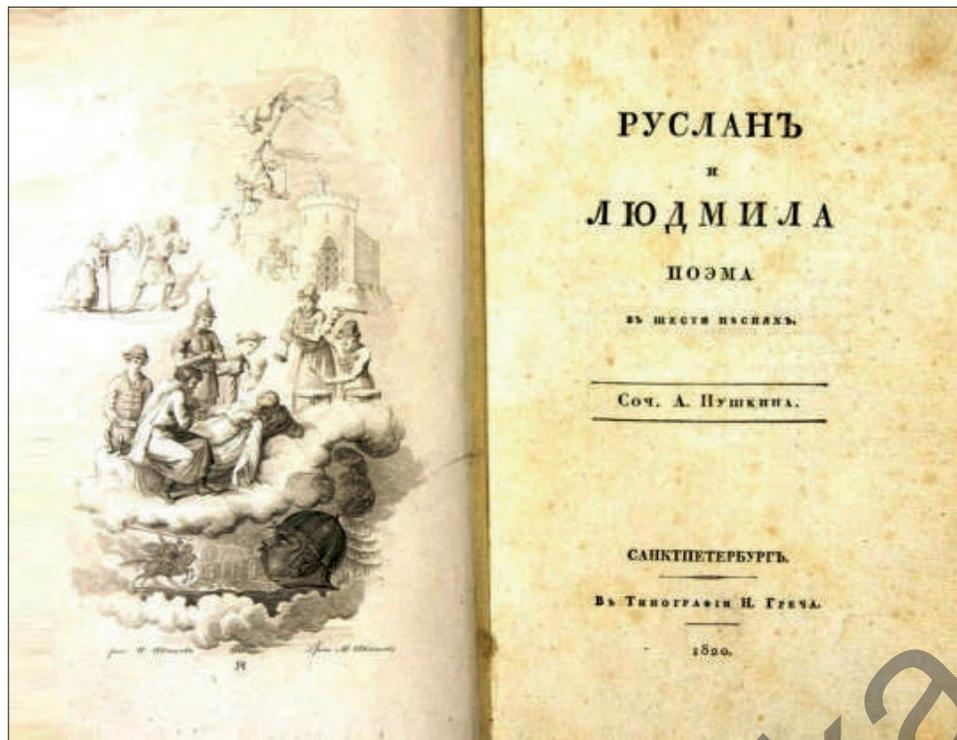
Неизвестный художник. Портрет Арины Родионовны. До 1825 г.

ГЛАВНОЕ – ИСТОРИЯ

Но откуда няня Пушкина Арина Родионовна могла узнать о средневековом шведском святилище, чтобы потом описать его в своих сказках и рассказах? Вряд ли она читала Адама Бременского.

Средневековые германские хроники Арина Родионовна не читала, однако информация о прошлом могла дойти до неё прямым путём – от собственных предков. Няня Пушкина была родом из Копорского уезда Петербургской губернии. Копо-

Первое издание поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила»

рье расположено недалеко от Балтийского моря. И Копорье, и Ижора, и Ладога, так же как польское Поморье или Дания-Ютландия, относятся к одному историческому ареалу – Прибалтике, объединённому общей исторической судьбой, общей культурой. Вообще вся Киевская Русь примыкала к этому региону. В XII–XIII веках русские купцы имели свои дома в Швеции, русские священники служили в шведских церквях, скандинавские принцессы выходили замуж за русских князей. А ещё раньше разница в одежде, бытовых привычках и даже языке славян и скандинавов почти не замечалась.

Впрочем, на средневековых картах и в старинных книгах указывается немало «лукоморий» – это может быть и изогнутый морской берег, и излучина или устье реки... Исследователи находят «лукоморья» и в Прибалтике, и на русском Севере, и на Чёрном море.

В описанную Адамом Бременским эпоху, и даже позже, подобные святилища имелись не только в шведской Упсале. Наверняка почти такой же храм – со священным деревом, цепями, а может, и котом-баюном – стоял в священной столице балтийских славян, на острове Руяне, который в стихах Пушкина называется Буяном, а на совре-

менных географических картах – Рюгеном.

Не исключено, что кто-то из далёких предков Арины Родионовны бывал на Руяне или в Упсале и участвовал в храмовых обрядах. А может быть, они только слышали рассказы о них. И нет ничего удивительного в том, что до няни Пушкина дошли рассказы об этом. Наоборот, удивительно, что почти никто из нас не знает, кем были и чем занимались наши собственные предки. Примером нам могла бы послужить Исландия, где многим в точности известно, чем занимались их родные тысячу лет назад. Сведения об этом хранятся в сагах, которые до сих пор передаются изустно, хотя давно уже записаны и напечатаны. Для нас исландские саги о героях – литературные памятники, а для исландцев – что-то вроде семейного альбома.

Конечно, и у русских были свои родовые исторические саги. Но по каким-то причинам они сохранились лишь в виде иносказаний – сказок, былин, поговорок, баек. Следы прошлого сокрыты в языке, в особых выражениях, в древних словах. Открывается зашифрованная там информация только знатоку или тому, кто прилагает усилия. Не умея и не стараясь разгадать смысл тех или других образов и сюжетов, сказочники передавали эти «шифровки» следующим поколениям. Так они и сохранились. Дело Арины Родионовны и её предков довелось продолжить Пушкину.

Фабула пушкинской поэмы – это история любви Руслана и Людмилы, подвиги Руслана ради своей любимой. Но есть в ней и второй план. Если спросить, чем больше всего интересовался Пушкин кроме поэзии, то ответ будет очевидным – русской историей. Он писал исторические повести, занимал-

ся историческими исследованиями и даже считал, что главной темой для русского писателя всегда будет выступать именно история. Он не делал разницы между историком и писателем.

Предшественниками Пушкина были М.В. Ломоносов и В.Н. Татищев, которые глубоко исследовали самые древние периоды нашей истории. Поэт, конечно, изучал их работы. Но главным источником сведений о древности была няня поэта и та народная сказочная традиция, которая за ней стояла. Воспитанник Арины Родионовны сохранил и передал следующим поколениям всё или почти всё, что узнал от няни. Не всегда он мог и хотел разделить сказку и быль, выдумку и историческую правду – но это и придаёт его книгам особое качество. Это история, которую можно читать как сказку, и сказка, которая на самом деле оборачивается реальной историей.

И в поэме «Руслан и Людмила» скрыто ещё немало того, что лишь кажется сказочным.

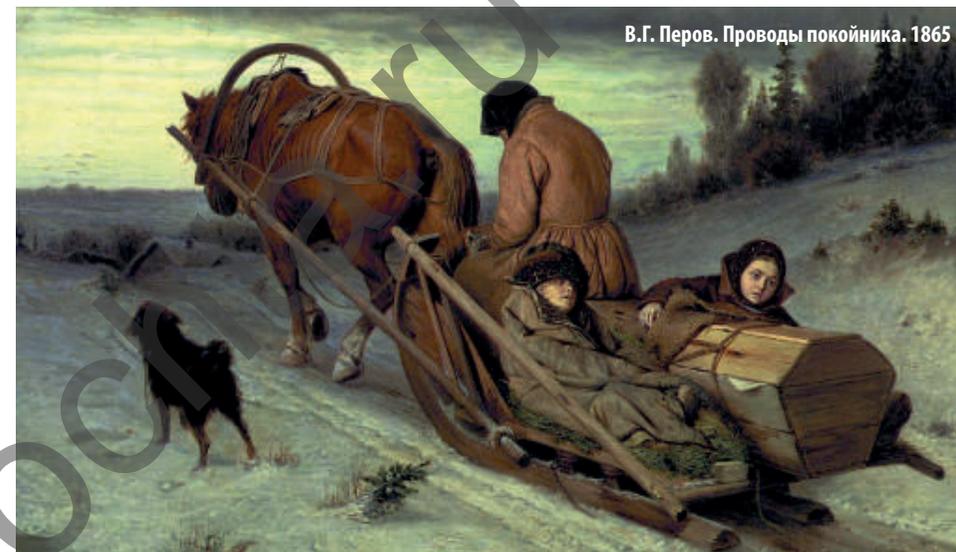
К СЛОВУ

Первым по достоинству поэму «Руслан и Людмила» оценил В.А. Жуковский. После того как Пушкин прочитал своё творение, потрясённый Жуковский взял свой портрет работы Е.И. Эстеррейха и надписал: «Победителю-ученику от побеждённого учителя в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму «Руслан и Людмила». 1820 Марта 26. Великая Пятница».

В.Г. Перов. Странник. 1870

В.Г. Перов. Проводы покойника. 1865

Певец скорби

Среди выдающихся русских художников-реалистов второй половины XIX века, получивших всенародную известность, особое место занимает Василий Григорьевич Перов.

В январе 2024 года исполняется 190 лет со дня его рождения, хотя точная дата и неизвестна. По разным источникам, это 2 или 4 января 1834 года. Рождённый вне брака, он всю жизнь страдал из-за своего происхождения. Его отцом был губернский прокурор Тобольска барон Георгий Криденер, мать – Акулина Иванова, вдова мещанина. Родители позже скрепили свой союз официально, обвенчались в церкви, но Василий так навсегда и остался бастардом, иначе его не воспринимали. Он не мог претендовать ни на титул барона, ни даже на фамилию родного отца. Вначале мальчика записали Васильевым, по фамилии его крёстного отца, а Пе-

ровым его назвал дьячок, у которого мальчик учился чистописанию.

Перов был не только великолепным портретистом, создавшим целую галерею образов выдающихся исторических личностей. Он совершил своего рода революцию, изображая на своих полотнах жизнь улиц, лица простых людей, серость, грязь и нищету. В своих незамысловатых, берущих за душу картинах художник отразил жизнь «могучей и обильной, великой и бессильной матушки-Руси». За что его называли «подлинным певцом скорби». Истории создания некоторых своих картин Перов отразил в серии рассказов, проявив себя как талантливый литератор. Сегодня мы публикуем один из таких рассказов.

